

Р. Ю. Почекаев

кандидат юридических наук, доцент
Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОТНОШЕНИЙ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА С КОЧЕВЫМИ ПОДДАННЫМИ (на примере русско-монгольских отношений в XVII в.)

В статье анализируется структура и состав правовых актов, которые регулировали отношения между Московским царством и монгольскими правителями, которые являлись (или считались московскими царями) российскими подданными. Автор приходит к выводу, что правовые источники были многочисленны, издавались различными представителями властей и имели разную юридическую силу, что было во многом связано с разветвленностью и смешением полномочий приказов Московского царства. Кроме того, относительная кратковременность периода взаимоотношений Московского царства с монгольскими правителями, завершившегося после признания монголами подданства империи Цин, не позволила московским властям выстроить четкую и последовательную политику взаимоотношений с ними и, соответственно, разработать кодифицированные источники права для их регулирования.

Ключевые слова: история России, история Монголии, правовые акты.

Продвижение России на Восток, начатое с присоединением к Московскому государству Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в., активизировалось в XVII в., когда в состав Российского государства вошли земли Поволжья, Приуралья, западносибирские территории, населенные бурятами и якутами. Причем даже длительный политический кризис в России, известный под названием «Смутное время», не снизил темпов восточной экспансии Московского царства¹.

¹ См. подр.: *Почекаев Р.Ю.* Москва и ее тюрко-монгольские вассалы в эпоху Смуты: правовые аспекты взаимоотношений // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Т. 10: Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. С.-Петербург, 12–14 октября 2012 г. СПб., 2012. С. 242–243.

При столь активной восточной политике была вполне очевидна неизбежность контактов с монгольскими правителями, что и случилось в самом начале XVII в.

Уже в первые годы российско-монгольских отношений представители как российской, так и монгольской сторон периодически поднимали вопрос о принятии того или иного монгольского правителя в российское подданство. Соответственно, появлялась необходимость правового закрепления отношений в формате «вассал – сюзерен» между московскими царями и монгольскими ханами и тайшами. В настоящей работе предпринимается попытка охарактеризовать источники, которыми закреплялись правоотношения между московскими царями и их монгольскими подданными в XVII в., хотя это подданство в большинстве случаев являлось чисто номинальным и длительных политических последствий не имело. Дело в том, что у тюрко-монгольских народов было представление о подданстве, не совпадавшее с представлением, характерным для оседлых государств. Кочевники понимали подданство как систему более-менее равноправных отношений с сюзереном, позволяющую им сохранять определенные льготы и привилегии в обмен на оговоренные выплаты и военную службу. Если же права вассалов, по их мнению, ущемлялись, то они могли переключаться в земли другого сюзерена, вовсе не чувствуя себя мятежниками против прежнего¹. Поэтому монгольские правители XVII в. одинаково «комфортно» чувствовали себя и в качестве вассалов московских царей или императоров Цин, и в качестве самостоятельных правителей.

История российско-монгольских отношений в XVII в. неоднократно исследовалась специалистами (достаточно назвать имена Н. П. Шестиной, М. И. Гольмана, Ш. Б. Чимитдоржиева), однако в большинстве случаев – в контексте политической истории и источниковедения. В какой-то степени развивая это направление и используя известные, в общем-то, источники, попробуем взглянуть на эти отношения с несколько иной, историко-правовой точки зрения. Источниковой базой для нас служат материалы российско-монгольских

¹ См.: *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 146–147, 164–167.

отношений XVII в., в которых содержатся ценные сведения, связанные с правовым закреплением этих отношений. Безусловно, в рамках небольшой статьи невозможно подробно рассмотреть все эти акты (а практически каждый из них представляет собой прекрасный объект для историко-правового анализа), поэтому речь, скорее, идет о постановке проблемы, представляющей основу для дальнейших, более предметных и углубленных исследований.

Безусловно, актами высшей юридической силы в регулировании отношений Московского царства с монгольскими вассалами являлись царские грамоты, которые представлены преимущественно в двух основных категориях: шертные и жалованные. Шерти, или шертные грамоты, были заимствованы из тюрко-монгольской правовой практики: шарт-наме («клятвенные грамоты») представляли собой фактически международные договоры, при заключении которых стороны клялись соблюдать выработанные условия на своих священных книгах или путем совершения религиозных ритуалов¹. Естественно, в московской юридической практике столь экзотический вид правовых актов использовался лишь в отношениях с восточными народами², а во внутренних правоотношениях не применялся. Жалованные грамоты довольно давно и широко использовались как в отношениях царей с подданными русского происхождения, так и с восточными вассалами. Уже с конца XV в. стала применяться практика «жалования» так называемых «служилых» Чингизидов, т. е. членов ханского рода, выезжавших в Москву на службу, так и вассальных правителей, в частности касимовских ханов³.

¹ См.: *Бахрушин С.В.* Ясак в Сибири XVII в. Новосибирск, 1927. С. 17.

² В связи с этим представляется любопытным отметить забавный факт: на начальном этапе взаимоотношений с монгольскими правителями, еще не имея представления об их вероисповедании, московский царь Михаил Федорович дал указание своим послам требовать от хотогойтского Алтан-хана «на куране шерт учинить», т. е. поклясться в соблюдении мирных условий на Коране, как это делали мусульманские вассалы Московского царства (см.: *Русско-монгольские отношения 1607–1636.* М., 1959. № 95, 96).

³ См.: *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 329 и след.; *Маслюженко Д.Н.*,

Таким образом, на отношения с монгольскими правителями московские цари «экстраполировали» уже ставшие привычными правовые акты, издававшиеся в процессе урегулирования отношений с тюркскими вассалами Поволжья, Приуралья, Сибири. Это и объясняет большое количество как шертных, так и жалованных грамот, направлявшихся монгольским ханам, списки которых сохранились до нашего времени. Особое место занимают нормативные акты особо важного значения, например о самом факте установления отношений с монгольскими (равно как и китайскими) правителями. Эти акты представляли собой приговоры государственной думы¹ и отражали сословно-представительный характер российской монархии XVII в.

Однако не будем забывать о том, что и сами правители Монголии во многом следовали чингизидским традициям, и хотя сам тюркский термин «шарт-наме» ими не использовался, но они в полной мере следовали принципу заключения таких договоров. Так, например, в отношениях с последним Алтан-ханом Лубсаном неоднократно возникали проблемы, который он решал очень просто: то отказывался признавать шерт, заключенную с его отцом Омбо-Эрдэни – мол, отец «хотя и шертовал – он де стар... а я-де не шертовал»², то, напротив, когда ему было выгодно, ссылался на прежние договоренности между своим отцом и Москвой³. Это в полной мере отвечало чингизидской правовой практике, в соответствии с которой после смерти хана изданные им акты (равно как и международные договоры) утрачивали силу, и новый хан после вступления на престол мог как подтвердить, так и отме-

Рябинина Е.А. Прибытие Кучумовичей в Россию осенью 1598 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни племных Чингизидов) // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 4. М., 2010. С. 93–101; *Рахимзянов Б.Р.* К вопросу о статусе бывших казанских ханов в Московском государстве // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. II. Казань, 2011. С. 139–141.

¹ См., напр.: Русско-монгольские отношения. 1607–1636. № 19; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 183.

² Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. М., 1996. № 7. С. 27.

³ Там же. № 28. С. 80; № 41. С. 95–96.

нить их. Таким образом, облегчая процесс правового регулирования отношений с новоприобретенными монгольскими вассалами, московские государи старались действовать в привычном для монголов формате. Так, например, царь Федор Алексеевич после смерти отца выдал Алтан-хану Лубсану грамоту о принятии его в подданство – аналогичную той, которую раньше выдал его отец Алексей Михайлович, а прежде и дед, Михаил Федорович¹.

Однако как шерстные, так и жалованные грамоты, несмотря на широкое распространение, имели самый общий характер. Во всех случаях постоянных взаимоотношений между Московским царством и монгольскими ханствами использовалось текущее законодательство. Формально все международные контакты России осуществлялись от имени царя (а нередко и его сыновей-соправителей), но в действительности – представителями региональных властей. Подобное делегирование полномочий, как правило, осуществлялось путем выдачи Посольским приказом, прообразом российского МИДа, грамот (по воле монарха), предписывающих воеводам Томска, Тобольска, Тары и пр. направлять посольства к монгольским ханам или же взаимодействовать с монгольскими послами². Соответственно, и сами упомянутые воеводы своими распоряжениями, но, опять же, от имени московского царя, направляли посланцев к монгольским ханам, предоставляя им дипломатические полномочия посредством так называемых «наказных памятей»³. Таким образом, способ взаимоотношений между российскими и монгольскими правителями можно охарактеризовать как опосредованный: с российской стороны их реализовывали администраторы регионального уровня на основании предписаний центральной власти (исключение составляли действия полномочных послов, направ-

¹ Там же. № 197. См. также: Русско-монгольские отношения. 1636–1654. № 26, 83.

² См., напр.: Русско-монгольские отношения. 1607–1636. № 4, 8, 9; Русско-монгольские отношения. 1636–1654. М., 1974. № 1; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 46, 82.

³ См., напр.: Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 8; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 37, 52, 67, 71, 81, 147.

лявшихся непосредственно царскими указами¹). Правда, в некоторых случаях, по-видимому, воеводы превышали свои полномочия, в результате чего из Посольского приказа следовали запрещающие предписания относительно взаимодействия того или иного воеводы с монголами².

Когда же все необходимые юридические формальности улаживались и создавалась основа для реализации правоотношений между московскими властями и монгольскими вассалами, воеводы получали от Сибирского приказа полномочия для постоянных, повседневных отношений с новыми подданными Московского царства, в частности по сбору ясака, организации торговли между русскими и монгольскими купцами и пр.³. Весьма распространенным явлением в дипломатических отношениях между русскими и монголами было совмещение представителями посольства своих дипломатических обязанностей и коммерческой деятельности. Подобные примеры известны еще со времен Монгольской империи: представители ханского семейства нередко вписывали своих компаньонов-купцов (так называемых «уртаков») в состав посольских миссий, чтобы они имели льготы и привилегии в осуществлении торговли⁴. В дальнейшем подобная политика практиковалась и среднеазиатскими правителями, направлявшими посольства (а в их составе и торговцев) в Московское царство⁵. Естественно, подобное злоупотребление дипломатическими правами не слишком нравилось московским властям, и они выражали протест тюркским правителям. Однако в отношениях с монгольскими ханами мы можем видеть обратную ситуацию: так, в 1665 г. Алтан-хан Лубсан в своем письме царю Алексею Михайловичу жаловался на то, что представители русского посольства вели торгов-

¹ См., напр.: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685-1691. М., 2000. № 17, 39.

² См., напр.: Русско-монгольские отношения. 1607-1636. № 44.

³ См., напр.: Русско-монгольские отношения. 1636-1654. № 114, 115.

⁴ См., напр.: *Allsen T.T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200-1260 // Asia Major Ser. 3. Vol. 2. Part 2. 1989. P. 116.*

⁵ См. подр.: *Почекаев Р.Ю. Торговцы и государство в тюрко-монгольских ханствах XIII-XVII вв. // Научный Татарстан. 2009. № 2. Гуманитарные науки: Археология и история. С. 189-190.*

лю с его подданными, запрашивая слишком высокую цену за свои товары, упирая при этом на свое дипломатическое положение; хан просил в дальнейшем более четко указывать в посольской документации «имянно послов и посольских людей, а которые с ними будут для торгу, и тех бы с торгом и писать, а то сказываются все посольскими людьми»¹.

Однако и на правовом закреплении русско-монгольских отношений сказались проблемы, связанные с разветвленностью и запутанностью приказной системы, дублированием, а иногда и неопределенностью их функций. Так, например, получая распоряжения о взаимодействии с монголами из Посольского приказа, воеводы должны были в большинстве случаев отчитываться перед другим приказом, которому они официально были подведомственны². В результате возникали весьма сложные и запутанные отношения, отражавшиеся на издании правовых актов: например, в октябре 1663 г. томский воевода И. В. Бутурлин отписал в Сибирский приказ об отправке в Москву посла Алтан-хана Лубсана, а приказ об их отпуске к своему правителю получил уже из Посольского приказа³. А чтобы посольская и связанная с ней документация все же появилась в Посольском приказе, его работникам приходилось периодически направлять «памяти» в Сибирский приказ и обратно⁴. Если же (пусть и в немногочисленных случаях) возникали вопросы с переходом монгольских вассалов московских царей в православие, то в русско-монгольские отношения вмешивался также и Патриарший разрядный приказ, вступавший во взаимодействие с Сибирским

¹ Русско-монгольские отношения. 1636–1654. № 42; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 56.

² См., напр.: Русско-монгольские отношения. 1607–1636. № 53, 108, 124; Русско-монгольские отношения. 1636–1654. № 5, 38, 58; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 1, 2, 4, 65, 106; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. № 75, 77, 108.

³ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 45, 46.

⁴ См., напр.: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 31, 60, 78, 99, 135.

приказом по вопросу о передаче новоявленных христиан в его ведомство¹.

Наконец, еще одно направление в российско-монгольских отношениях – выдача жалований и подарков вассальным правителям и их послам (равно как и принятие подарков от них самих) – было в ведении еще одного приказа, Казенного, руководство которого принимало соответствующие нормативные акты².

Таким образом, мы можем видеть, что существовало два уровня правового регулирования отношений Московского царства с его монгольскими подданными, пусть даже и чисто номинальные. Во-первых, это правовые акты, непосредственно адресованные от имени московских царей монгольским ханам. Во-вторых, внутреннее «текущее» законодательство: указы и распоряжения центральных властей (царские указы и грамоты профильных приказов) воеводам пограничных регионов, непосредственно осуществлявшим контакты с монголами; сюда же можно отнести и «межведомственные» акты, в частности акты взаимодействия приказов. При этом отсутствовали какие-либо централизованные универсальные кодифицированные акты, которые подчеркивали бы систематический характер взаимоотношений между московскими царями и монгольскими ханами, а также между различными ведомствами Московского царства, курирующими российско-монгольские отношения.

С одной стороны, такой набор источников, который можно охарактеризовать даже в какой-то степени как бессистемный, может объясняться тем, что в XVII в. отношения между Россией и Монголией только начали выстраиваться, и еще отсутствовала основа для выработки неких кодификаций. С другой стороны, и в России, и в Монголии в рассматриваемый период еще только появляются первые всеобъемлющие кодифицированные акты в общегосударственном масштабе: «Соборное уложение» 1649 г. в России и монгольские кодификации «Восемнадцать степных законов» (конец XVI – начало

¹ См., напр.: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. № 146.

² См., напр.: Русско-монгольские отношения. 1636–1654. № 42; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 33, 153.

XVII вв.) и «Их Цааз» 1640 г. Естественно, было бы преждевременно рассчитывать на то, что подобные кодификации могли бы быть разработаны и на международно-правовом уровне в столь короткие сроки. Наконец, следует учитывать и тот факт, что московские власти, имея опыт выстраивания отношений «сюзерен – вассал» с тюркскими народами Поволжья, Приуралья и Сибири, монгольскими народами Поволжья (калмыки) и Западной Сибири (буряты), не стремились слишком уж радикально менять привычные для их кочевых подданных формы взаимоотношений. Поэтому в течение длительного времени московские власти закрепляли отношения с кочевыми подданными в той же форме, в какой те сами на протяжении веков выстраивали международные отношения, в том числе и в случае признания зависимости от других монархов.

Так, например, в процессе вхождения Казахстана в состав Российской империи на протяжении всего XVIII в. и первой четверти XIX в. для регулирования отношений с новыми подданными имперские власти использовали практически тот же набор правовых источников, что и московские власти – в отношениях с монголами в XVII в.: императорские указы и грамоты ханам, султанам и биям, приказы и распоряжения губернаторам пограничных регионов и т. д. Понадобилось почти целое столетие, чтобы российско-казахские отношения начали регулироваться первым кодифицированным актом – «Уставом о сибирских киргизах» (1822 г.). Московские цари не получили возможности в течение столь длительного времени «подготавливать» своих монгольских вассалов к принятию соответствующих кодификаций, поскольку уже к 1691 г. все монгольские ханы официально признали подданство китайской империи Цин, и российско-монгольские отношения перешли на принципиально иной уровень, исключающий возможность признания монголами зависимости от российских монархов.